

ли уже в самом начале романа, читатель ждет неотвратимой развязки, а автор, испытывая его доверчивость, время от времени дает понять, что герой умер. Но каждый раз опасения оказываются напрасными. В конечном итоге мы так и остаемся в неведении, была ли смерть Вилли такой, как привиделось мистеру Зельцу. Своеобразие этой игровой коллизии заключено в том, что ее фабула «намечает» путь в сферу идеального, в Тимбукту. Именно туда стремится в финале романа мистер Зельц, затеяв игру со смертью – игру под названием «выскочи из-под колес».

Помимо языковых игр, подчиненных общей игровой стратегии, в романе есть и такие, которые служат автономными средствами создания художественной выразительности. Они строятся, главным образом, на паронимии, игра здесь осуществляется не за счет манипулирования семантическими значениями, а за счет утраты логического значения. Например: “Nitty-gritty Italy? Land of the witty ditty and the itty-bitty titty – yet one more place I’ve never been to” [8,79] или “James Joyce. Joyce Cary. Cary Grant. Grant me swizzle sticks and dental floss” [8, с. 55], “Enough of this tedium. Enough of this Te Deum” [8,54]. Такие случаи языковой игры, где форма доминирует над содержанием, прививают читателю вкус к языку, учат творить в процессе чтения.

Таким образом, роман «Тимбукту», насыщенный взаимосвязанными и относительно свободными языковыми играми, демонстрирует читателям богатство созданных художественных образов и неисчерпаемость текста.

Источник и литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: Ч.1. – М., 1997. – 378 с.
2. Постмодернизм. Энциклопедия.- Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040с.
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996. – 217с.
4. Донгак С.А. Языковая игра и обманутое ожидание // Критика и семиотика. – 2001. – Вып.3 –4. – С.78–84.
5. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 172–214.
6. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. – 324с.
7. Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2000. – 322с.
8. Auster, Paul. Timbuktu.- N.Y.: Picador USA. Henry Holt and Company, 2000. – 181p.

Александрова О.Н.

ФАНАРИОТЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРЕЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Художественная литература эпохи Просвещения была многогранной и разнообразной, основными ее направлениями были такие литературные течения как ренессансный реализм, классицизм и барокко (XVII век), просветительский реализм, во многом продолжавший художественные традиции классицизма с одной стороны, и породивший искусство сентиментализма (XVIII век). В это же время возникают рококо и предромантизм. Все эти направления и художественные школы были связаны с определенными социальными и политическими силами и философскими концепциями.

Далеко не все эти литературные направления нашли широкое распространение в литературе Греции, и этому явлению есть серьезные, прежде всего, культурные, экономические и политические причины.

Уровень образования в Греции в это время был значительно ниже, нежели в Европе, к тому же перед греческим народом стояли совершенно иные задачи – освобождение от турецкого ига и образование нового национального государства.

Подчиненное положение греческого народа в Османской империи не позволяло развиваться в полной мере греческой литературе. Подчинение завоевателям с их чуждым для греков образом жизни задерживало развитие творческих сил народа, уже истощенного длительными войнами и экономической разрухой.

Греческие просветители считали единственной возможностью сохранения самоидентификации греческого народа – распространение грамотности. Поэтому их творчество нередко имело прагматический характер, и главными целями литературы в Греции становятся педагогика и моралистика (может быть, даже в ущерб литературе художественной). Прежде всего создаются учебники и религиозные трактаты.

Поэтому немалое значение для просветителей приобретает издательское дело. Одной из самых ярких черт эпохи Просвещения всегда была издательская деятельность ее представителей, издание учебников, словарей, энциклопедий, организация школ и учебных учреждений. Научный потенциал подобных изданий был настолько высок, что эти учебники нередко переводились на языки народов Европы.

В самом начале становления Просвещения как единого движения передовых людей эпохи, греческий писатель Герасим Влахов (1607–1685) составил четырехязычный словарь. Этот словарь стал не только первым значительным достижением новогреческой лексикографии, он был по достоинству оценен лучшими «научными» умами Европы и на многие десятилетия стал образцом для подражания для многих составителей подобных произведений.

Один французский путешественник, посетивший школу Коридалея в Афинах, отмечал высокий уровень преподавания в ней таких языков, как древнегреческий, латинский, турецкий, итальянский и француз-

ский. В XVII в., под эгидой окрепшего греческого купечества, в рядах которого ширится меценатство, наряду с монастырскими, создаются подобные светские школы во всех греческих диаспорах.

Во Франции, одновременно с «Энциклопедией» Дидро и д'Аламбера (которая имела небольшой тираж и по цене была доступна только богатым), на читателей всей Европы обрушивается целый дождь брошюр и памфлетов, в которых высокие идеи энциклопедистов популяризировались и пропагандировались, в том числе и в беллетристической форме.

Эти процессы идут и внутри Османской империи. Наиболее полно они отразились в трактате «Основы мудрости в устройстве народов» (изд. 1732) выдающегося деятеля культуры Ибрагима Мутеферрика (1674?–1745). Выходец из Трансильвании (венгр или еврей по национальности), он в юности получил прекрасное общее и теологическое образование. Личность Ибрагима Мутеферрика, олицетворявшая собою синтез восточной и западной культур, его сочинения и деятельность в качестве первопечатника (1729–1745) оставили глубокий след в культуре страны.

Но и зарождающаяся греческая литература нового времени существенно отличалась как от европейской, так и от турецкой литературы хотя бы отсутствием изысканности и рафинированности. Низкий уровень образования большинства греков и постоянная готовность народа к восстанию против оккупантов не позволяли развиваться придворным жанрам. Недаром в народной среде в это время самым популярным оказывается народный кукольный театр теней Карагиозиса с его грубым фольклорным юмором. В этом театре очень многое было заимствовано из турецкого теневого театра Карагёз: представление разыгрывалось актерами-мужчинами и строилось с использованием традиционных персонажей и ситуаций. При низкой грамотности народа эти зрелища имели большое значение как средство массовой злободневной информации, подчас преподносившейся в форме политической сатиры.

В этих условиях литература перестает быть единым национальным явлением и резко разделяется на два вида – народную, создающуюся на разговорном языке и нередко остающуюся в устной форме, и «ученую», письменную, авторами которой оказываются немногие образованные греки, тяготеющие к сохранению архаического языка, восприняемого ими как связующее звено с литературой античной и византийской.

Подобное явление встречается во всех литературах. В Османской империи также шел этот процесс: «Взаимовлияние устной и письменной литературы стало в XVIII в. сказываться с новой силой. Помимо тюркю (вид народной песни), популярной еще в XVII в., стали создаваться шаркы (в стиле другой народной песенной формы), также основанные на тюркской системе стихосложения (хедже)» [1, с. 456].

В греческой литературе это явление проявилось в борьбе двух форм новогреческого языка: димотики – народной, разговорной формы и кафаревусы – архаизированной.

История борьбы между димотикой и кафаревусой имеет долгую историю. Еще патриарх Досифей Иерусалимский (1641–1707) занимался переводами на димотику духовной литературы. Книги монаха Агапия Ландоса (? - 1664) также были написаны на димотике. Преимущества димотики в деле духовного просвещения и образования народа признавал еще Герасим Влахос (1605–1684). На димотике создавалась и знаменитая «Техника ритора» Ильи Миниата (1669–1714), отстаивавшего необходимость перевода проповедей с книжного, непонятного для необразованной паствы языка, на доступную всем димотику.

Известный ученый, математик, богослов Никифор Феотокис (1731–1800) долгое время колебался между димотикой и кафаревусой. Его сомнения во многом объяснялись позицией многих греческих интеллектуалов, полагавших, что верность архаическим канонам позволит сохранить неразрывной связь между античностью и современной греческой культурой.

Поэтому Афанасий Христопулос (1772–1847) считал, что «димотика как язык сможет оставаться на высоте только тогда, когда можно будет доказать ее непосредственную и прямую связь с древнегреческим языком. Так, он выдвигает, с научной точки зрения совершенно беспочвенную, теорию о том, что новогреческий язык – это эолийско-дорийский диалект древнегреческого. Афанасий Христопулос считал, как и его учитель Катаргзис, что эолийско-дорийский диалект прямо предшествует современному греческому языку, вернее, что сплав этих двух диалектов и есть новогреческий язык» [2, с. 123].

С ним был полностью согласен Ф. Коридалей, отдававший предпочтение древнегреческому языку прежде всего как языку авторитетной культуры.

Консервативные же фанариоты², в первую очередь П. Кодрикас, и патриархия требовали возвращения к древнегреческому языку. Так, один из самых известных фанариотов, Александр Маврокордатос считал «народный язык димотику абсолютно непригодным для литературы, дипломатии и науки. Этот язык, считал он, пригоден лишь для общения людей низших сословий, для людей, не получивших никакого образования. Человек, занимающий государственные посты, по мнению Александра Маврокордатоса, должен быть мастером высокой риторики и, помимо высокого образования и хороших манер, должен обладать еще и соответствующим экономическим потенциалом» [2, с. 120].

Главой направления димотикистов был Димитриос Катаргзис (1725–1807) из Константинополя. В Молдо-Валахии он ведал финансами, имел большое влияние в официальных кругах, но главным делом его жизни было просветительство. Он провозгласил и яростно отстаивал право народного разговорного языка стать основой языка литературного. Потомкам он оставил трактат «Познай самого себя» (в нем речь идет о национальном самосознании), «Руководство к написанию стихотворений на новогреческом языке», «Грам-

² Фанариоты – небольшая прослойка греческой интеллигенции периода османского владычества, получившая свое название от квартала Фанар в Стамбуле. Эта греческая аристократия вела свое происхождение от купцов и банкиров, поселившихся в столице империи в XVI–XVII вв. Политическая ловкость фанариотов, их обширные связи, знание европейских языков позволили им сблизиться с правящей верхушкой Османской империи и стать для нее полезными.

матику древнегреческого языка» (написанную на новогреческом) и «Граматику новогреческого языка». К сожалению, большая часть его произведений оставалась неизданной, и его идеи только косвенно могли влиять на споры вокруг языкового вопроса в Греции. К концу жизни он отошел от активной общественной деятельности и умер преуспевающим царедворцем, сторонником просвещенного абсолютизма.

Также активным участником споров был выходец из купеческой семьи г.Янины Атанасиос Псалидас (1767–1820). Некоторое время он жил в России, возлагая большие надежды на помощь Российской империи в деле освобождения Греции. Он даже посвятил свою первую книгу Екатерине II. Возвратившись на родину, он преподавал в Янине и более или менее последовательно пропагандировал народный язык.

Еще Франческо Скуфос (конец XVII в.), профессор и автор знаменитой для той эпохи «Риторики», дал образцы составления на народном языке проповедей, поучений и молитвословий. Его «Риторика» произвела глубокое впечатление на греческий мир и послужила образцом для сочинений Ильи Миниата.

Предпочтение, отдаваемое народному языку даже в «ученой» литературе греческих колоний в Италии XVII в., отчасти объясняется влиянием итальянской культуры, в которой новый национальный язык прогиги-вопоставлялся латинскому и все более вытеснял ее из привычных областей применения.

Но, кроме этой внешней причины, была и более важная, внутренняя. В эпоху, когда дело шло о жизни и смерти греческой нации, когда было невозможно наладить даже элементарное народное просвещение, многочисленные образованные греки, уважая самоотверженную борьбу своего народа, считали необходимым обратиться к нему на понятном ему языке. Этим и объясняется кажущийся парадокс: многочисленные издания древнегреческих классиков в Италии были рассчитаны не на греческую, а на итальянскую читающую публику.

Вместе с тем греческая литература этого периода несет черты явного влияния литературы европейской. Это объясняется прежде всего тем, что нарождающаяся греческая интеллигенция получала образование за рубежом – в Германии, Франции, Италии, Англии и России. Влияние идей европейских просветителей на греческую интеллигенцию иногда принимает самые неожиданные формы. Так в Греции появляются монахи-вольтерьянцы, искренние последователи французского атеиста, полагавшего, что если бога нет, то для народа его надо выдумать. Остается только удивляться тому, как им удавалось совмещать идеи греческого Православия со французским вольнодумством.

Следует подчеркнуть особую роль церкви в рассматриваемую эпоху. Если накануне падения Византии церковь в значительной степени потеряла авторитет и влияние в народе, то теперь она становится естественным центром сопротивления иноверному, инокультурному владычеству. Укреплению церкви способствовала сама Оттоманская империя, заинтересованная в надежном, организованном посредничестве между своей властью и народными массами. Именно греческие священники становятся истинными распространителями образования.

Традиция получения образования за рубежом в то время была обычным явлением в Османской империи. Укрепляющиеся связи с Европой способствовали пробуждению интереса к европейскому театру и драматургии, осознанию их роли для просвещения людей, восприятию идеологии Классицизма и Просветительства. Но в ту пору можно говорить только о первых попытках создания пьес европейского типа на турецкой фольклорной основе. Таковы, например, две комедии, написанные на турецком языке автором, имя которого до нас не дошло, в Вене в основанной в 1752 г. Школе восточных языков. В Вене же они были поставлены на сцене силами турецких учащихся и преподавателей.

В ряде сочинений XVIII в. прослеживается прямая преемственность с критическим направлением общественной мысли, ярко проявившимся в турецкой литературе уже в XVII в. Как и тогда, образованные, мыслящие люди выражали обеспокоенность бедственным положением страны, развалом армии, коррупцией в государственном аппарате и пр. Они полагали, что султан, лично ответствен перед богом и людьми за состояние дел в стране, он обязан своей монаршей властью карать зло во имя добра и заботиться о благе человека.

Эти идеи были явно заимствованы у просветителей Европы, которые пришли к убеждению в том, что благодаря распространению образования можно добиться изменения общества к лучшему. Именно поэтому философы эпохи Просвещения стремились вступить в переписку и близкое общение с монархами. Убеждение античных философов (таких как Платон, Аристотель, Сенека) в том, что можно воспитать идеального государя, вновь стало проверяться на практике – не только Вольтер и Руссо переписываются с императором Фридрихом и императрицей Екатериной, мечтая осуществить на практике свои идеи благодаря привлечению к ним правящих домов Европы. Греческий просветитель Евгений Вулгарис (1716–1806) приезжает к монархам с этой же целью.

Вера просветителей в знание как средство исправления общества была абсолютной. Передовые люди того времени свято верили в силу закона вообще, в строгое подчинение «справедливым» правилам, устанавливаемым разумом, который олицетворялся в султানে. Эти идеи проходят через ряд публицистических и дидактических сочинений, занимавших большое место и в турецкой литературе XVIII в. Подготовленные всем ходом развития реформаторские тенденции овладевали умонастроением определенных кругов общества, прежде всего, тех, кто повидал мир за пределами своей родины. Огромным сдвигом в их сознании была мысль о возможности и даже необходимости использовать европейский опыт.

Во время османского владычества главными распространителями греческой культуры были два слоя греков – высшее духовенство и фанариоты. Территориально они были связаны с Константинополем³, кото-

³ Греки до сих пор называют Стамбул Константинополем

рый и после падения Византии оставался важным греческим центром. Здесь находилась резиденция Константинопольского Патриарха, размещались Патриархия, Патриаршая академия, жили богатые, образованные греческие купцы и та часть греческой интеллигенции, которая не покинула родину после крушения Византийской империи.

Для того, чтобы выжить в условиях османского ига, фанариоты были вынуждены сотрудничать с султанской администрацией. Прагматизм и конформизм фанариотов, по сути, могут быть выражены словами их лидера, Александра Маврокордатоса: «Делай не то, что хочется, и не то, что можешь, а то, что выгодно», а также: «Не будем много учить, не будем говорить больше того, чем этого требует дело» [цит. по: 2, с. 120].

Наиболее богатые и влиятельные семьи Фанара – Маврокордато, Суццо, Ипсиланти, Мурузи, Караджа – обеспечили для себя и своего потомства важные должности в системе турецкой администрации – великого драгомана Порты, драгомана флота и господарей Молдавии и Валахии. С конца XVII в. фанариоты нередко занимали значительные посты в Османской державе, именно из их среды назначаются переводчики-«драгомань» и крупные дипломаты. В администрации представители фанариотов нередко занимают посты, соответствующие современным постам министров финансов и иностранных дел, и имеют значительное влияние на ведение как внешней, так и внутренней политики государства, т.е. занимают самые высокие должности, доступные в исламском государстве для немусульман.

Наиболее доходными и престижными были должности господарей Дунайских княжеств, и за них шла ожесточенная борьба между наиболее влиятельными фанариотскими фамилиями.

С начала XVIII в. Дунайские княжества становятся ареной постоянных русско-турецких войн, и среди господарей-фанариотов, отдававших себе отчет в прогрессирующей упадке Османской державы, проявляется стремление к установлению политических связей с Россией: квартал Фанари поставлял купцов в греческие торговые колонии не только в страны Западной Европы, но и в Россию.

Именно фанариоты поддерживали в греческих кругах Османской империи идеи Просвещения. В условиях порабощения греческого народа чужеземцами фанариоты становятся хранителями древней культуры предков. Этому способствует и тот факт, что они оказываются самой образованной частью греческого народа. Несмотря на проводимую в Османской империи политику исламизации покоренных народов, фанариотам удается сохранять не только православие, но и архаизированный язык предков и создавать на нем как художественные, так и философские произведения.

Их влияние на самосознание греческого народа было столь велико, что период с 1670 по 1774 г. получил название «Века фанариотов». Греческие историки, называя так XVIII век, имеют в виду прежде всего особенности греческого просветительства. Положение хранителей греческой культуры укрепилось за фанариотами особенно после того, как туркам были вынуждены подчиниться почти все греческие острова, а с падением Крита, фактически, фанариоты стали единственными распространителями просвещения в греческой среде.

У начала движения фанариотов стоит знаменательная фигура Александра Маврокордатоса (1641-1709). Основатель династии Маврокордатосов получил стандартное, т.е. очень хорошее, образование в Италии, где он изучал медицину в г. Падуа и защитил диссертацию по проблемам системы кровообращения, которая была издана в Болонье в 1664 году.

Многие фанариоты, получившие образование за границей, рассматривали свое возвращение на родину как патриотический долг и сознательно ставили перед собой задачу возрождения греческой национальной культуры.

Свою профессиональную деятельность Александр Маврокордатос начинает как преподаватель в Патриаршей Духовной Академии, где он создает несколько пособий по риторике, грамматике, комментарии к произведениям Аристотеля, учебник по Священной истории.

Его активная жизненная позиция, честолюбие и многочисленные таланты были вскоре по достоинству оценены как соотечественниками, так и турецкой стороной: Маврокордатос становится дипломатом, занимает такие должности как Великий Тайный Советник и Первый Переводчик Порты. Особенно высоко были оценены его дипломатические таланты «при подготовке и заключении Карловичского мирного договора (1699 года) с Австрией» [2, с. 119].

В греческую литературу Александр Маврокордатос вошел со своим главным произведением – «Попечениями», опубликованными лишь в 1805 году, почти через сто лет после его смерти. Скорее всего, эта работа была широко известна в кругу фанариотов, потому что «...труд Александра Маврокордатоса обращен к так называемым «людям своего круга», близким к высшим кругам власти. Александр Маврокордатос считал необходимым изложить свои взгляды на процесс формирования сознания и манер человека, готовящегося к государственной службе» [2, с. 120].

Это произведение создано под явным влиянием «Государя» Никколо Макиавелли (1469–1527), написанного в 1513 г. и изданного в 1532 г. и преследующего те же цели: Гегель писал, что «Государя» надо читать под непосредственным впечатлением исторических событий, предшествовавших эпохе Макиавелли, и современной ему истории Италии, и тогда это произведение не только получит свое оправдание, но и предстанет перед нами как истинно великое творение подлинного политического ума высокой и благородной направленности. Точно так же надо оценивать и произведение Маврокордатоса.

На первый взгляд «Попечения» являются своеобразным руководством по управлению государством. Причем, как в любом хорошем руководстве автор приводит примеры наиболее часто совершаемых ошибок и их возможных последствий, рассматривает оптимальные пути достижения желаемой цели. Этот труд интересен уже с точки зрения удачного сочетания богатого личного опыта с просветительской традицией ана-

лиза закономерностей не только человеческих отношений, но и функционирования государственной машины.

Маврокордатос закономерно подходит к выводу о существовании двух видов этики – одной для подданных, другой для повелителей. Он всегда помнил свое собственное, макиавеллевское, по сути, высказывание, которое часто повторял и для других: «Человек, находящийся на государственной службе должен уметь быть слепым внутри и глухим снаружи» [Цит. по: 2, с. 120].

Но истоки этого произведения следовало бы искать, прежде всего, в литературе византийской, в которой существовал такой литературный жанр как «поучение». Самым известным произведением такого рода считается труд императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». В своем поучении сыну император пишет: «Учти, для тебя я пишу поучение, чтобы в нем соединились опыт и знание для выбора лучших решений, и чтобы ты не погрешил против общего блага» [3, с. 33].

По стопам отца пошел и сын Александра Маврокордатоса – Николаос.

Николаос Маврокордатос (1680-1730) был поклонником Вольтера и французских энциклопедистов. С идеями Просвещения познакомился в Европе, где получал образование.

Несмотря на то, что занимал значительные посты в государстве и даже был наместником Молдавских княжеств и Валахии, т.е. фактически был наместником султана в Придунайских княжествах, и был удостоен титула Главного переводчика порты, Маврокордатос-сын явно предпочитал дипломатической деятельности литературную. «Он не занимался политической деятельностью, и все высшие титулы, которые он получил от султана, можно считать заслугами отца. ... Не обладая динамизмом и изворотливостью своего отца, Николаос Маврокордатос, будучи человеком корыстолюбивым, для сохранения власти больше надеялся на подкупы, чем на собственные способности улаживать конфликты» [2, с. 120].

Его политическая деятельность не создала ему популярности на подвластных ему территориях. Местные жители воспринимали греков, находящихся на службе у султана как врагов, что не способствовало консолидации сил, противостоящих Османской империи.

Литературную деятельность Маврокордатос начал с романа «Филофеевы труды» (1718). «И, хотя книга была написана в подражание французским романам⁴, это произведение можно считать предвестником нового направления в новогреческой литературе, знаменующим собой начало эпохи Просвещения» [2, с. 120-121].

Продолжая дело отца, Николаос Маврокордатос пишет собственную работу дидактического характера – «Об обязанностях», изданную в 1719 году в Бухаресте, а в 1722 году – в Лейпциге в переводе на латинский язык, что делало это произведение доступным для образованных читателей всей Европы, тем более, что вплоть до XVIII в. существовала традиция серьезные научные труды писать именно на латинском языке.

В этом произведении Николаос Маврокордатос рассуждал не об управлении государством и подготовке людей, способных к государственной деятельности, а о подготовке чиновников, их манерах, нравственности. И, если с одной стороны, в этом произведении происходит снижение уровня задач, стоящих перед теми, для кого писалось это произведение (по сравнению с трактатом Александра Маврокордатоса), то с другой стороны, нравственные критерии, предъявляемые Маврокордатосом-младшим к подчиненным, гораздо выше, чем у его отца, мировоззрение которого в отношении правящих кругов он, тем не менее, вполне разделяет: «Автор говорит о высоких примерах классической древности, о патриотическом долге и считает, что благоразумие есть мать всех добродетелей» [2, с. 121].

Идейная позиция фанариотов во многом определялась их служебным статусом. Они приспособились к Порте. С ее соизволения они неограниченно обирали подопечных, создавая себе огромные состояния. Поэтому к революционному движению в Греции они относились с откровенной враждебностью.

Эта идейно-литературная двойственность – заигрывание с вольномыслием, вольтерьянством при сотрудничестве с Портой – выражалась во временном перевесе то одной, то другой линии. Но к концу XVIII – началу XIX века, когда общенародная борьба за освобождение стала реально грозить их благосостоянию, фанариоты заняли откровенно реакционную позицию. Прежде они снисходительней относились к просветительским кружкам в своей среде (например, кружок, созданный Димитриосом Катардзисом). Но такой кружок при участии в нем таких людей как легендарный революционер Ригас Велестинлис, создатель первого тайного политического греческого общества – «Этерии», легко мог перерасти в тайное национально-освободительное общество. И это не могло не вызывать озабоченности лояльных к Османской империи фанариотов.

Главной причиной неприятия фанариотами национально-освободительного движения греческого народа заключалась в негативном отношении правящих кругов Европы, напуганных Французской революцией, ко всем видам народных восстаний, тем более, что фанариотам, принадлежащим к правящему классу, любые политические потрясения угрожали потерей материального благополучия и стабильности.

Греческая литература эпохи Просвещения рассматривается как литература нового времени, как часть единого мирового литературного процесса. Это явление во многом объясняется общностью проблем стоявших в то время перед странами как Европы, так и Азии. В истории нового времени эти проблемы, нередко выливавшиеся в кровавые военные конфликты, принято называть «Восточным вопросом».

⁴ Литературные вкусы фанариотов были во многом обусловлены французскими веяниями. По замечанию одного путешественника, французский язык знали в Фанари во второй половине XVIII века не хуже греческого (прим. О.А.).

Проблема решения «Восточного вопроса» стояла не только перед Россией – ликвидация политического и экономического противостояния европейских государств и Османской империи, проблема взаимоотношений колоний и метрополии в Англии оживляют интерес к восточной экзотике, эти страны воспринимались прежде всего как земли всевозможных чудес. Такая традиция во многом берет начало в эстетике классицизма. Особенно это касается драматургических произведений, в частности – трагедий. Одно из главных условий – использование прежде всего мифологических и исторических сюжетов античной истории, существенно удаленных во времени от XVII века, могло нарушаться в единственном случае, когда современные события происходили в экзотических восточных странах. Здесь было бы уместным сделать следующее замечание: для среднего европейца и сейчас все европейские страны, находящиеся на восток от современной Польши считаются восточными. Например, перенос действия Кальдероном в пьесе «Жизнь есть сон» в Польшу у критиков, его современников, не вызывал замечаний о нарушении законов драматургии.

Для возрождавшейся греческой литературы восточная экзотика европейского Просвещения была чужда, а для авторов того времени непривлекательна прежде всего из-за принадлежности к культуре врагов. Именно поэтому в произведениях Корнароса, Хортатзиса столь сильны патриотические мотивы, действие в них происходит не на Востоке, а в выдуманных странах, ассоциирующихся у современников как с Европой, так и с историческим прошлым собственной Родины.

С другой стороны, вынужденное существование греков в Османской империи неизбежно приводило к некоторому заимствованию канонов восточной литературы. И этот процесс был обоюдным. Так, в историческом произведении турецкого прозаика Найма (1655–1716) «Цветник Хюсейна в изложении событий Востока и Запада» (1702) можно найти явное влияние греческой историографии не только античности, но и византийского периода – изложение исторических событий жизни Османской империи (1591–1659) подается с подробным описанием дворцовых заговоров, народных восстаний и пр., перемежается стихами различных авторов и беллетризованными историческими рассказами, написанными часто в форме ярких жанровых сценок и живых диалогов (иногда это вымышленные диалоги исторических персонажей – прием обычный для античной литературы).

Источники и литература

1. История Всемирной литературы в девяти томах. - т. 5. – М.: Наука, 1988. – 783 с.
2. Краткий словарь новогреческой литературы / Сост. Наталия Николау – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра; Фонд греческих исследований в Москве – 1993. – 268 с.
3. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1999. – 496 с.

Харченко О.В. Харченко А.Л.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГИПЕРСИНТАКСИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО КОРОТКОГО РАССКАЗА И ЕГО ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Материалом исследования служат произведения малой эпической формы, поэтому необходимо подробнее остановиться на влиянии жанровой принадлежности, объема текста на его гиперсинтаксическую организацию.

По словам классика короткого рассказа Г.Э.Бейтса, рассказ – это в высшей степени современное искусство. Фрэнк О'Коннор говорит, что рассказ “represents better than poetry or drama our attitude to life”. (1, 13).

Рассказ – жанр современный не только по своей художественной специфике, но и по своему происхождению: его становление, отделение от других прозаических жанров в английской литературе приходится на вторую половину XIX в. Английский рассказ как самостоятельный жанр сформировался в 80-90 годы XIX века, тогда же и возник термин “modern short story”. Сам термин “short story” в настоящее время используется в двух значениях: 1) малый эпический жанр в целом; 2) типологическая разновидность этой жанровой формы, соответствующая термину “ рассказ “.

А.О. Томас выделяет пять основных новеллистических поджанров: психологический, сатирико-юмористический, детективный, научно-фантастический и социально-бытовой [2,3].

Остановимся на этой классификации и попробуем разобраться, на сколько жанровое разнообразие “ short story” влияет на перераспределение границ абзацев переводчиками.

Детективный рассказ наиболее читаемый и, следовательно, максимально ориентированный на читателя жанр. Гилберт Кит Честертон, один из его родоначальников, является также и создателем стройной теории написания детективного произведения. Вот основные положения этой теории:

1. Детектив – единственный литературный жанр, подчиняющийся законам логики.
2. Сюжет рассказа должен удивлять простотой.
3. Предпочтительнее для детектива размер не романа, а рассказа: вся психология и философия героев постигается в последней главе – « так уж лучше, чтобы первая глава была и последней ».
4. В основе рассказа должна быть правда, реальный факт повседневной жизни.

Исходя из этой теории, свое творчество строили не только Честертон, но и А. Конан-Дойл, А.Кристи.

Однако, Агата Кристи, «королева детектива», несколько расходится с классической «традицией» английского детектива, так как мало внимания уделяла социально-психологической мотивировке событий и характеров, целиком сосредотачиваясь на действии, перипетиях сюжета. Ее детектив- это детектив в «чис-